

Евгений Харитонов

Фантастика на грани возможного

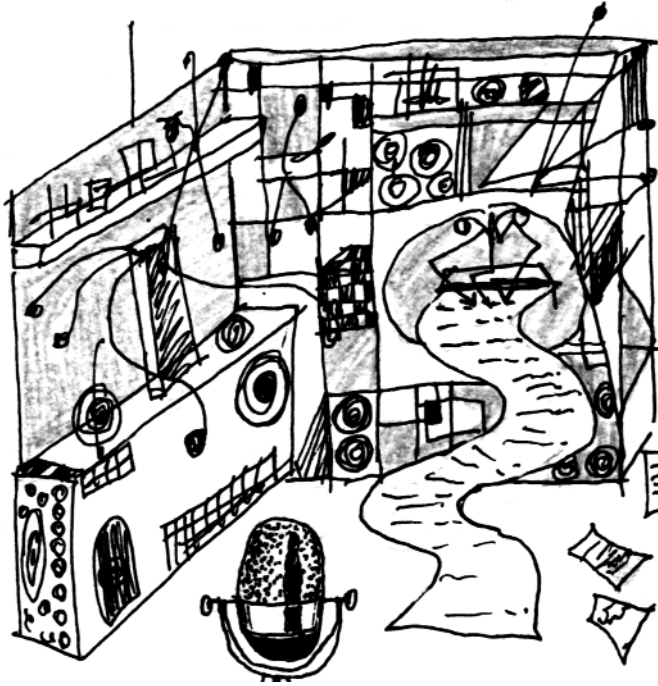
Вадим Охотников (1905–1964) – один из самых характерных авторов советской фантастики 1940–1950-х годов. Этот период критики метко окрестили «ближним прицелом». Действительно, сочинители той поры не пытались представить, как будет жить человек в отдаленном будущем, их герои не покоряли космические просторы. Это была фантастика на грани возможного, а героями произведений были не столько люди, сколько изобретения, которые вот-вот станут реальностью. В подавляющем большинстве это была унылая, серая литература. Да и литературой пухлые сочинения, например, главной фигуры близкоприцельной НФ назвать сложно. Беллетризованные очерки инженеров.

«В обойму тогда входили Казанцев, Немцов и Охотников. Самым процветающим был Немцов. «Немцов вездесущ, как господь бог», – сказал мне как-то Казанцев. Самым характерным – Вадим Охотников» – вспоминал фантаст Георгий Гуревич, и сам отметившийся в близкоприцельной НФ (цит. по очерку Геннадия Пращкевича «Адское пламя»).

Вадим Охотников тоже пришел в литературу из инженеров, дебютировав еще в 1944 году. Профессиональный изобретатель, кстати, один из создателей звукового кино. В отличие от большинства коллег по перу, писателем себя он не считал, признаваясь, что все его рассказы и повести – беллетризация его изобретательских идей. Как сказал Гуревич, «Охотников сам был изобретателем и писал о том, как интересно изобретать». Нужно сказать, что о процессе изобретательства ему и в самом деле удавалось рассказать вдохновенно и даже увлекательно. Дебютировал он в фантастике в 1944 году и до конца 1950-х его рассказы публиковались во всех научно-популярных изданиях, в том числе и в журнале «Знание–сила». Наиболее интересное и самое фантастическое произведение писателя – повесть «В глубь земли» (1949), посвященная созданию подземохода и первой опытной экспедиции на нем в недра нашей планеты. К теме исследования земных недр писатель возвращался неоднократно в других своих рассказах. Самая известная и наиболее характерная для той НФ книга – сборник «На грани возможного» (1947), из которого мы и публикуем в этом номере рассказ «Автоматы писателя», на редкость для фантастики ближнего прицела остроумный и получительный, не утративший известной актуальности и сегодня. Среди других книг Охотникова назовем «В мире исканий» (1949), «История одного взрыва» (1953), «Дороги вглубь: Роман» (1950; др. назв. – «Тайна карстовой пещеры», «Пути-дороги»), «Первые дерзания» (1953), «Наследники лаборанта Синявина» (1957).

Умер Вадим Дмитриевич Охотников в 1964 году в Старом Крыму, где похоронен рядом с великим мечтателем Александром Грином. После смерти фантаста-инженера произведения его никогда не переиздавались, так что настоящая публикация – первая за сорок с лишним лет.

Автоматы писателя

Призвание стать писателем я почувствовал давно. Друзья из среды литераторов отнеслись ко мне недоверчиво...

— Ну, что ж, попробуйте! Вы думаете, это легко? Это вам не машины изобретать. Там все поддается математическим вычислениям и сразу видно, что нужно. А вот в литературной деятельности столько неясностей...

— Вы представляете, — говорил мне один известный писатель — я переписываю свои произведения по двадцати пяти раз! Вы понимаете? Двадцать пять раз!

— Все это ерунда! — гордо отвечал я. — У меня, на пример, имеется много интереснейших воспоминаний. Только садись и пиши.

Очутившись перед листом чистой бумаги, я очень быстро пришел в уныние.

«Действительно, трудное дело, — подумал я. — С чего же начать?» Меня почему-то все время тянуло изображать на бумаге математические формулы. Или, в крайнем случае, еще раз написать отчет о своей последней работе под названием... «К вопросу о псевдопараметрическом резонансе в четырехполюсниках при неустановившемся режиме контуров».

Где-то далеко в глубине сознания вертелось малопонятное слово «сюжет».

«О чем, собственно, я буду писать?... — проносилось у меня в голове. — Вот, говорят, что существуют в литературе художественные образы. Что это за образы такие? Надо просто начать, с чего-нибудь, а там будет видно.

Подумаешь, образы!»

Наконец я решился обмакнуть перо и приступить к делу... «Мои воспоминания, дорогие товарищи, касающиеся...»

Что написать дальше, я просто не знал. А тут еще с моего пера, беспомощно повисшего в воздухе, сползла капля чернил и на рукописи образовалась клякса.

«Это чорт знает что такое! — решил я. — Разве можно писать таким отвратительным пером? Писательскую деятельность нужно обставить с максимальным удобством. Зачем, например, поминутно, макать перо в чернильницу? Это ведь отвлекает от творческого процесса! Потом эта клякса...

Нет, нужна автоматическая ручка. При этом очень совершенная, специальная ручка. Странно, что я сразу не подумал об этом».

Несколько дней я затратил на подыскание хорошей автоматической ручки, над которой затем я еще долго изошрялся, переделывая и совершенствуя ее до пределов возможного. Мне удалось добиться, чтобы ручка содержала в себе такое количество чернил, которого хватило бы, по крайней мере, для написания «Войны и мира».

Довольный результатами своей работы, я снова уселся за письменный стол.

«Мои воспоминания, дорогие товарищи, касающиеся...» написал я бойко.

Но дальше этого дело опять не пошло. Вначале, когда я прикоснулся пером к бумаге, мне показалось, что мысли потекут плавно и свободно. Но, пока я писал эту маленькую фразу, мысли обогнали перо, как-то запутались и превратились в невероятную кашу. «Рука не успевает за мыслями. Нет навыка, — с горестью решил я. — Хорошо этим писателям. Они только и знают, что пишут...»

Неожиданно меня осенила блестящая идея. Я даже подскочил от радости. Ну да! Это же так просто! Все писатели лопнут от зависти. Необходимо построить специальную машину!

Я живо представил себе эту машину. Очень усовершенствованный звукозаписывающий аппарат. Вот я расхаживаю по комнате и излагаю свои воспоминания вслух. Чувствительный микрофон улавливает мою непринужденную речь, а аппарат записывает ее на пленку. В комнате — тишина. Ничто не отвлекает моего внимания. Какое может быть сравнение с машинисткой или стенографисткой! Машина не будет ошибаться или переспрашивать. Наконец присутствие постороннего человека сковывает свободный полет мысли.

Около месяца у меня ушло на проектирование и изготовление этого усовершенствованного писательского диктографа. Правда, он получился громоздким и занимал весь письменный стол, но зато был необыкновенно удобен в работе.

Запись звука производится на магнитную пленку. Легкое нажатие кнопки переключает прибор, и из репродуктора слышится мой собственный голос, повторяющий только что сказанное. Если мне не нравится, например, оборот речи или высказанная мысль получается недостаточно ясной, тотчас нажимается другая кнопка. Неудачное место стирается. Теперь снова можно повторить фразу, изменив ее в лучшую сторону. Ко всему этому нужно добавить, что для создания у автора соответствующего настроения из другого рупора раздается, если я этого хочу, легкая, бодрящая музыка.

Ясно, что машинистка уже без меня, внимательно прислушиваясь к репродуктору, свободно перепечатает записанную речь, и у меня в руках окажется совершенно готовая рукопись.

Первое практическое применение прибора оказалось необыкновенно успешным.

Говорил я, как мне казалось, чрезвычайно красиво. Расхаживая по комнате, я ударял себя в грудь кулаком, в конце своей речи даже слегка прослезился. Мне показалось, что я, неожиданно для себя, создал гениальное произведение.

Зато какое было разочарование, когда я увидел все продиктованное перепечатанным на машинке!

Просмотрев рукопись, я пришел в ужас.

— Вы что-то не то напечатали! — проговорил я печально, обращаясь к машинистке. — Прежде всего, не так расставлены знаки. Вот посмотрите: «Мои воспоминания дорогие. Товарищи, касающиеся...» Получается абсурд...

Машинистка ушла, обиженная и расстроенная. Я же целый день не находил себе места. Нужно было бы взять обыкновенное перо, исправить ошибки. Но не таков был мой гордый дух изобретателя. Перед моим умственным взором уже носилась другая, более совершенная машина. В ней, безусловно, должна отсутствовать такая деталь, как нежная и капризная машинистка.

Вечером меня посетил писатель С., известный своими горячими выступлениями на всех диспутах на тему, как надо писать, но сам еще почти ничего не написавший. — Ну, как? Пишете? — спросил он строго.

— Конечно! Благодарю вас, — ответил я непринужденно. — Получается сравнительно ничего.

Писатель говорил весь вечер о новой теории прозы и критиковал подход к развитию сюжета, придуманный писателем Ш. Я же доказывал, что у современных литераторов нет правильного научного подхода к технике самого процесса писания. Мы очень мало понимали друг друга, но в общем остались довольны друг другом.

— Я хочу подарить вам эту звукозаписывающую машину, — предложил я на прощанье. — Она вам здорово поможет.

Писатель подозрительно посмотрел на сложные приборы, составленные на письменном столе, но мое предложение принял.

— Хорошо. Спасибо, я постараюсь воспользоваться вашим аппаратом, — проговорил он неуверенно.

На изготовление нового прибора у меня ушло три месяца. Собственно, его уже нельзя было назвать прибором. Это была сложная установка, занимавшая половину комнаты. В огромных металлических шкафах были расположены громоздкие звуковые анализаторы. Каждой букве соответствовал свой звуковой фильтр. Стоило только произнести перед микрофоном какую-либо букву, как аппаратура немедленно приводила в действие соответствующую клавишу пишущей машинки. Можно было говорить с любой скоростью и тут же любоваться, как из-под машинки выползает напечатанный текст.

Это был весьма совершенный прибор с точки зрения современной науки и техники. Но... Опять появилось «но».

Помню, как лихо я принялся диктовать, подбадриваемый резвым стуком автоматической клавиатуры. Все шло отлично, Но, к сожалению, лишь до того момента, пока я не взял в руки первый напечатанный лист.

Вот что на нем оказалось написанным...

«Маи васпаминания дарагие таварищи касающиися...» Вначале я замер от огорчения. Моя машина писала совершенно безграмотно! Как это могло получиться! И вот только тут я вспомнил, что виновата не машина, а люди, пишущие обычно совсем не так, как они выговаривают слова. Действительно: букву «о» мы часто произносим, как «а». Машине нет никакого дела до этой несуразности. Она честно печатает все так, как слышит, не делая никаких поправок.

На усовершенствование машины потребовалось еще два месяца. Теперь она уже занимала почти всю комнату, но зато печатала вполне правильно.

Не буду останавливаться подробно на том, как я разочаровался и в этой машине. Произведение, созданное с ее помощью, показалось мне чрезвычайно запутанным и бездарным.

«Видно, я не умею ярко и красочно излагать свои мысли словами. Нет у меня такой способности», пришел я к неутешительному выводу.

Что же касается самих мыслей, то на этот счет у меня не появилось никаких сомнений. Мысли могли быть только блестящие. я чувствовал, как они кипят в моей голове, рвутся наружу, а изложенные с помощью тяжело ворочающегося языка становятся бледными и чахлыми.

Решение построить еще один сверхсовершенный прибор появилось у меня именно в тот момент, когда ко мне пришел в гости писа-

тель Г., создавший огромное количество произведений, которые почему-то никто не хотел читать.

— Ну, как? Работаете? — ласково спросил он. — Я слышал, что у вас уже много написано.

— Да, есть кое-что, — мрачно ответил я.

— О, это очень интересно, — продолжал писатель Г. — Жалко, что не располагаю временем. А то бы прочел... Я, собственно говоря, к вам по делу. Вы подарили писателю С. усовершенствованный диктограф. Представьте себе, все издательства завалил своими рукописями! Это же черт знает что такое! Нельзя ли и мне получить такой приборчик? Очень прошу вас... устройте! А?

Вместо ответа я взял писателя под руку и потащил его в комнату, где была расположена моя последняя буквапечатая модель.

— Дарю вам более совершенный прибор, чем у писателя С., — бормотал я по дороге. — Сам будет печатать от звука вашего голоса. Только заберите. Он мне мешает.

При виде страшного нагромождения, царившего в комнате, писатель Г. чуточку побледнел.

— А это все можно будет... установить в дачном сарае? — робко спросил он, видимо, напуганный размерами шкафов.

— Можно, — проговорил я решительно. — Грузовик для перевозки я вам дам. Людей пришлю... Только возьмите!

Прошло полгода напряженной работы.

Вот, наконец, готова новая, самая совершенная писательская машина, какую только можно представить.

Это подлинное чудо. Здесь соединены воедино новейшие достижения радиотехники, телемеханики; автоматики и электрофизиологии. Вся установка занимает три комнаты.

В специальном, удобном кресле располагается писатель — автор. Вид у него, правда, немного странный. Он до некоторой степени напоминает приговоренного к электрическому стулу. На голове у писателя находится металлический колпак, от которого тянутся завитушки проводников. Такие же провода прикреплены к рукам и ногам творящего автора.

В сущности, идея работы новой машины необыкновенно проста.

Все хорошо знают, что в нашем организме зарождаются слабые электрические токи, блуждающие по телу. Характер этих токов соответствует работе различных органов человека. В медицине уже давно применяются приборы, с помощью которых электрические сигналы, порождаемые, например, деятельностью сердца, записываются на бумажную ленту и внимательно изучаются врачами.

Исследование нервной системы на основе электрофизиологических токов также известно давно. В заслугу себе я ставлю только то, что мне удалось расшифровать ничтожные сигналы, сопутствующие нашему мышлению. Правда, трудно было превратить их в систему силь-

ных электрических импульсов. Но теперь это все позади. Четырнадцать шкафов, наполненных сто двадцатью пятью электронными лампами, прекрасно справляются с этой задачей. Мои мысли легко преращаются в четко напечатанный на машинке текст.

Возможностью необыкновенно свободного творчества я долго не решался воспользоваться. Ждал вдохновения и хорошего расположения духа. Но вот, наконец, этот момент наступил...

Прочно закрепляются браслеты-наручники. На тщательно бритую голову надевается электрический колпак. Теперь, кажется, все готово. Сигнальные приборы указывают, что одиннадцать лаборантов находятся на своих местах.

Можно приступать.

Дрожащей рукой я нажимаю пусковую кнопку...

Более внимательным изучением текста, полученного с помощью мыслепечатающей машины, я занимался уже лежа в постели, свалившись под влиянием переутомления и новой неудачи.

Вот что прыгало перед моими воспаленными глазами:

«Мои воспоминания... мои воспоминания... Не село бы напряжение в сети!.. О каких таких воспоминаниях я, собственно, собираюсь написать? Нет, лучше начну так: «Взирая на тихое Черное море...» — Нехорошо: «тихое Черное море...».

Существует «Тихий океан»... Хотя... помню прекрасно, что море тогда было действительно тихим... странно... Как же написать в этом случае?. «взирая на Черное море, которое в данный момент было тихим... и которое...» Жмет этот дурацкий колпак на голове!.. Надо будет усовершенствовать... Так что же, черт возьми, мне делать с этим тихим морем?» И так далее...

Мыслепечатающий аппарат я подарил драматургу Н. В последнее время общественность неоднократно упрекала этого автора в творческом застое. Он же, со своей стороны оправдывался тем, что будто бы во сне ему часто видятся различные сценические образы, но какие именно, он, просыпаясь, вспомнить не может.

Моя машина значительно помогла этому автору.

Врачи нашли у меня страшное переутомление.

— Вам необходимо отдохнуть этак месяца три в глухой деревне. — говорили они. — Ведь вы проделали такую колоссальную работу! Какие огромные достижения! Весь медицинский мир потрясен... Ваш прибор, регистрирующий мозговую деятельность...

Они меня явно не понимали.

Не напряженная работа в течение двух лет расстроила мои нервы, нет!

Подкосила мое здоровье жестокая неудача.

Ведь я хотел стать писателем! Исключительно для этой цели я по-

строил столько сложных машин! Все они оказались замечательными и полезными.

Диктографами и буквопечатающими машинами воспользовались другие литераторы.

Писатель Г., автор бесчисленных, никем не читаемых книг, увеличил свою производительность настолько, что ему самому стало противно и он неожиданно бросил писать. Мыслепечатающая машина нашла широкое применение в медицине и для общения с глухонемыми. На сцене появилась замечательная пьеса, задуманная во сне драматургом Н.

Но писателем я не стал.

«Почему это так? — мучительно думал я. — Ведь как будто вся моя деятельность была направлена именно к этому...»

Долго я предавался своим горестным размышлениям. Пока со мной не произошел один, казалось бы, совсем пустяковый случай.

Однажды в деревне, прогуливаясь по берегу маленького озера, я увидел валяющееся на земле красивое гусиное перо.

«Этим примитивным приспособлением люди писали еще совсем недавно, — мелькнуло у меня в голове. — Жалким был тогда уровень техники. Просто интересно, как это делалось?»

Захватив с собою перо, я отправился в беседку, где с помощью перочинного ножа придал ему форму, необходимую для писания. Бумагу и чернила, по моей просьбе, принесли немедленно.

Сначала я нарисовал несколько уродливых чертей. Затем попробовал написать.

«Да... — думал я. — Писать можно. В сущности, вот таким пером работали Пушкин, Лермонтов, Гоголь, Шекспир, Данте. И получалось у них неплохо. А у меня почему-то не вышло. С такими совершенными средствами!.. Не в механизмах все-таки, видно, здесь дело, а в способностях и в упорном труде. А что, если попробовать этим пером?»

С ожесточением принялся я писать, перечеркивая целые страницы.

Так появилось это краткое повествование, написанное и переписанное во время моего отдыха тридцать шесть раз с помощью гусиного пера...